
К вопросу о музейных кадрах

Проверено: 9 марта 1948 года

Александр Федорович Котс

Хаотичность мыслей и понятий, связанных обычно с представлением о «массовых» музеях и о «массовом» музейном зрителе, нигде не проявляется так отрицательно, как на вопросе о «музейных кадрах», на проблеме о грядущей смене будущих работников музеев.

И понятно, почему. Как и во всяком массовом культурном начинании, так и в вопросе о «музейных кадрах», разрешение его немыслимо без уточнения задач и целей учреждения, а этим самым и характера тех требований, которые мы в праве предъявить его работникам.

Достаточно напомнить калейдоскопичность дел и знаний, предъявляемых музейцам, обнимающих профессии ученого и лектора, и регистратора, и оформителя, и собирателя, и охранителя, и воспитателя грядущих деятелей столь же энциклопедического ранга.

И легко понять, что там, где самые задачи учреждения расплывчаты и спорны, там и функции его работников не поддаются точному учету и определению.

Но, как обычно в человеческом быту, стремление к универсализму редко достигает цели, подтверждая даже на примере величайших гениев диапазона **Лейбница** и **Аристотеля** всю тщетность энциклопедизма.

Что же говорить о рядовом и всего чаще молодом музейном деятеле, вынужденном совмещать обязанности столь разнообразные, что один перечень их представляется насмешкой над принципом разделения труда.

Не мудрено, что вместо ожидаемых успехов слишком часто констатировать приходится прорывы в самых основных познаниях или поступках, промахи, пробелы, только подтверждающие давнюю, классическую истину о «мудрости самоограничения».

И тем уместнее коснуться ближе — в свете уточненного анализа главнейших функций современного музея массового типа — наболевшего вопроса «о музейных кадрах», этой жгучей и очередной проблемы нашего музейного строительства.

Напомним основной, фундаментальный вывод нашего анализа, строжайшее разграничение двух параллельных и взаимно проникающих, но в сущности самостоятельных разделов деятельности или заботы всякого музея массового типа:

А. Собираение, хранение и изучение **вещного** состава данного Музея.

В. Разработка **методов показа** на основе изучения **музейных зрителей**.

Легко понять, что в отношении первого вопроса — подготовки кадров — будущих ученых — функции музеев предрешаются работой университетов. И не отрицая ряда специфических особенностей, налагаемых музейной (и особенно: музейно-краеведческой) работой на **научную** тематику (Архангельский музей не будет заниматься изучением фауны и природы Амазонки..), следует признать, что в основном достоинства и качества этих работников в Музее определяются их университетской подготовкой, или, говоря точнее, «методом» набора и приема молодежи в университеты, и поскольку ни дирекции музеев, ни научные работники, ни «Управления Музеями» не призваны влиять на тот или иной подбор студентов при принятии их в Университеты, — вся ответственность на качества или достоинства музейных аспирантов, как «ученых», — падает всецело на руководителей и деятелей Высшей Школы.

В какой степени эти последние преуспевают в этой их ответственной роли, — охватить и выявить всех подлинно стремящихся к научной и музейной деятельности, а приняв в число студентов, удержать всех подлинно талантливых, все это, как и множество других вопросов, связанных с проблемой рекрутирования музейных кадров и «научной смены», к сожалению, выходит если и не за пределы компетенции и критики, то актуального влияния музеев.

Но лишены возможности **влиять** на университетский молодежь (подбор студентов с точки зрения их интересов и влечения к музейной практике..), Музеи тем увереннее могут сформулировать те требования,

которым должен отвечать музейный аспирант по линии работы собственно «музейной»: построения вещной экспозиции и оперирования с музейным зрителем.

Этих исходных требований — два:

Любовь к музейной вещи и к музейным зрителям.

Или, еще короче: «**Жилка педагога и коллекционера**».

Без наличия этих обоих свойств музейец по призванию столь же мало мыслим, как актер без страсти к декламации и рампе, как поэт без тяги к ритму, к рифме и художественной речи.

Крайне ценно (— а работникам ведущего столичного Музея даже обязательно..) наличие и множества других условий плодотворности работы каждого музейца. Таковы научная пытливость, многогранность интересов, чувство формы, красок, чувства эстетического восприятия, способность соответствующих оценок. И, однако, все эти таланты, дарования и свойства не способны возместить отсутствие двух первых: страсти педагога и коллекционера, но при обязательности сочетания обоих. И понятно, почему.

Одна лишь страсть коллекционирования столь же мало гарантирует успех массовика- музейца, как и доктрина-педагога, чуждого любви к наглядным образам и **вещному** показу.

Первая, лишенная второго, угрожает состоянием «скупого рыцаря», второй — без первой — положением ученого схоласта.

Языком гротеска можно было бы сказать: две мании присущи каждому массовику-музейцу: одна — центристская и другая — центробежная.

Одна — сносить без устали и отовсюду образцы любимых **вещных** образов и любование ими в силу им присущей **вещной** ценности.

Другая — разносить идеи, порожденные вещами, в массы, приобщать их к радостям идейного познания и вещно-чувственного любования.

Словами **Гете** можно было бы сказать: «Коллекционеры — суть счастливейшие люди», а словами одного талантливого педагога (так безвременно скончавшейся **В.А. Чистяковой**): «Что за счастье — делиться со своими знаниями, нести их людям!»

Таковы два основных краеугольных требований, предъявляемых к массовику-музейцу, как исходные и минимальные:

Есть оба эти свойства — страсть к «предмету», к «вещи» и к прозелитизму, — можно спрашивать и о наличии других, нет этой пары — свойств — и мы имеем дело с компромиссом и со всеми вытекающими из него последствиями.

А теперь посмотрим, в какой степени обоим этим требованиям отвечают контингенты поступающих к нам «неофигов».

Всего прежде следует спросить: Откуда и за счет кого формируются кадры молодых музейцев? Кто, какие учреждения нам посылают их? Как рекрутируется наша смена молодых музейцев?

Опираясь на указанную только что категорическую пару требований, «Страсти к Педагогике» и «Страсти к Вещи», можно было бы подумать, что решение этих вопросов следует искать в тех учреждениях, в которых культивируются эти обе страсти: именно в **Музеях** и в **Педагогических Институтах**.

Но на деле, как известно, ни музеям, ни Педвузам не присвоено решающего права в деле рекрутирования молодых музейных сил, а предоставлено такое право только **Университетам**. Между тем, эти последние в подборе будущих студентов руководятся приемами и показателями, не имеющими никакого отношения к указанным двум свойствам.

Более того, можно уверенно сказать, что подавляющее большинство студентов Университетов не имеет ни малейшего влечения к педагогической работе (ибо, при наличии последнего оно ступило бы в Педвузы), а в научных устремлениях своих совсем не руководится «любовью к вещи», сплошь и рядом избирая спе-

циальностью науки, изучающие факты и явления, лежащие за гранями «музейного показа»: Гистологию, Эмбриологию, Физиологию...

Но даже более того. В известном смысле самое распределение студентов по Университетам и Педвузам предпринимает дифференцировку их симпатий в сторону реально-вещного показа.

И хотя кончающие Университеты частью поступают в педагоги, а педвузовцы в Исследовательские Институты, все же в основном соотношение обоих устремлений мыслится по линии «необратимости», по крайней мере в области Естествознания: Естественник-педвузовец не мыслим без влечения к конкретно-вещному преподаванию, а университетант вполне вообразим без всякого стремления к таковому.

И понятно, почему. Биолог-университант (не говоря уже о химике и физике или историке-лингвисте..) несравненно менее привык увязывать свою науку с миром вещных образов, чем педагог-биолог, для которого «наглядность» образов является тавтологией школьного преподавания.

Но этим самым предопределяется и большее сближение «педвузовцев» с музейной практикой, чем то имеет место для прошедших университетский курс, или точнее, курсы, излагаемые независимо от их наглядности в музейном зале или классной комнате.

Иначе говоря, сама методика преподавания в Педвузах более сближает ее с массовой музейной практикой а интересы их студентов с таковыми будущих музейцев, чем то можно было бы сказать про университеты или их питомцев.

А в итоге и явная несообразность или неувязка: Учреждения, могущие учесть и оценить, и культивировать два основных природных атрибута истинных музейцев (Страсть к вещам и страсть к преподаванию) **не** участвуют в подборе будущих работников музеев, а участвуют в этом подборе университеты, для которых оба эти свойства за пределами оценки и внимания.

Что же удивительного, если среди тысяч молодых людей, учащихся в советских университетах, или их кончающих, число «музейцев по призванию» так несоразмерно скромно: ведь при зачислении в студенты при приеме в Университеты их «Приемные Комиссии» руководились всего менее указанными свойствами — любовью к «вещи» и к педагогической работе.

Таковы ближайшие итоги наших рассуждений: самые условия и постановка дела подготовки будущих работников музеев такова, что не дает гарантии использования всех природных молодых талантов на музейном фронте.

Проще и конкретнее: Музеи наши до сих пор не получали и не в силах были получить **весь** тот «**музейный**» молодежь, который мог таиться в недрах нашей молодежи. Часть ее, имевшая особое влечение к педагогике (необходимое условие массовика-музейца!) — не могла попасть в музеи, ибо миновала университеты, — эти главные поставщики музейных деятелей, а другая часть, имевшая влечение к музеям, не могла попасть в Университеты, как не отвечавшая формальным требованиям приема.

Каковы же эти современные формальные условия приема?

Постановкой этого вопроса мы вступаем в область, столь же уязвимую, как и неблагодарную для обсуждения (на «тонкий лед» — на языке «дипломатическом»): вопроса о принципах или правилах приема в Университеты и Педвузы.

Хорошо известно, что приемы эти ныне практикуются на базе конкурсных экзаменов для поступающих **без всякого учета специфических персональных данных конкурирующих лиц**, их **персональных** интересов или установок, и уклонов.

Так, подавших заявление на «**Биофак**», определившихся в призвании будущих натуралистов, или будущих музейцев, систематиков-зоологов, или ботаников экзаменуют, проверяют не по линии их одаренности, познаний подготовленности в **этих** дисциплинах, а по математике, писанию сочинений, химии и физике, т.е. наукам ни в малейшей степени не предопределяющим серьезности их интересов, как биологов, фактической их подготовленности в **этой** отрасли Естествознания.

И совершенно также при принятии в Педвузы руководятся при испытаниях вновь поступающих не тем, насколько обоснованно стремление их **к педагогике** и каковы их данные, как **просвещенцев-воспитате-**

лей, а лишь повторной дополнительной проверкой по предметам Средней Школы, ни в малейшей степени не выдающим специфичных, **собственно педагогических уклонов**, интересов или дарований.

Что сказали бы о той Комиссии по выявлению природных дарований в области искусства — танца, пения, театра, живописи, музыки, которая решающим моментом и критерием для поступления в Консерваторию и соответственные школы полагала бы не специфичные таланты или дарования глаза, слуха, голоса, природной грации и чувства формы, линии и красок, а.. умение пользоваться логарифмами, физическими и химическими формулами, знание законов Ге-Люссака или Менделеева.

Можно уверенно сказать, что пользуясь **таким** критерием распознавания «юных дарований» эта фантастичная «Комиссия» забраковала бы и Гельцер, и Шалапина, и Станиславского, и Репина, и Глинку, и Чайковского.

И пусть не скажут нам: Вы оперируете с мифами! Таких «Комиссий» ведь на деле нет и не было!

А разве мы не знаем про бесчисленные случаи «браковки» Высшей, Средней и Начальной Школой юношей, подростков и детей, талантами неизмеримо превосшедших в своей жизни бесталанных и непризванных своих хулигателей.

Достаточно напомнить: мальчика **Линнея**, отданного по его «бездарности» в сапожники, известного покойного зоолога **Зарудного**, не смогшего осилить ферулы казенной Средней Школы, **Либиха**, когда то изгнанного из классической гимназии за неуспешность и занявшего профессорскую кафедру немногими годами позже...

Нам ответят: «То — былое, то старина, то грех отцов, а наше племя молодое не знает старых тех грехов!»

Но так ли это? — В подтверждение обратного выхватываем на удачу несколько примеров.

Случай первый. — В 1923 году исключается «за неуспеваемость» студент МГУ, — Евг. Павл. **Спангенберг**, — талантливый молодой зоолог- полевой натуралист, фаунист-эколог-систематик по разделу высших преимущественно позвоночных. Допуская факт возможных упущений и пробелов в прохождении официальных курсов молодым натуралистом (по причине длительной болезни — суставного ревматизма,) позволительно держаться того мнения, что прибегать к подобной мере — исключения из Университета — допустимо только после всестороннего ознакомления Деканата с «увольняемым» студентом и опроса профессуры, об успешности его занятий и работ «по специальности».

Так нет же, и потребовался ряд блестящих отзывов со стороны полдюжины профессоров Москвы, свидетельств о редчайшем сочетании способностей, познаний и научных достижений молодого энтузиаста (отзывов проф. **Житкова**, проф. **Огнева**, проф. **М. Завадского** и пишущего эти строки), чтобы «обезвредить» мнимую неуспеваемость талантливого молодого человека и восстановить его в число студентов.

Кончивший прекрасно Университет, оставленный при нем для подготовки к профессуре, ныне в звании доцента **Е.Н. Спангенберг** — один из самых интересных, самобытных и талантливых экологов-фаунистов, сочетающий дар полевого наблюдателя-натуралиста с дарованием писателя.

Другой пример. 1926 год. Юноша, почти подросток, с прирожденным ярким дарованием и влечением художника-натуралиста тщетно стучится в МГУ. Как сын учительницы мальчик попадает на педфак тогдашнего II-МГУ (ныне Гос. Пединститута). Увидав случайно зарисовки и биологические дневники, свидетельствовавшие об исключительном даровании их автора, пишущий эти строки (в бытность профессором МГУ) добился перевода юного зоолога-художника на Биофак Московского Университета. — Еще будучи студентом молодой зоолог выдвинулся в первые ряды, удачно сочетая острый глаз музейного работника, полевика-натуралиста и художника.

А ныне? Выдающийся знаток морской по преимуществу животной жизни, лично изучив ее на месте для «семи море» — Каспийского, Азовского и Черного, до Белого, Балтийского, Японского и Желтого, — знаток морских звериных, как и рыбных промыслов, автор бесчисленных ценнейших (частью уникальных!) зарисовок, атласов, картин, таблиц зоологического содержания **Николай Николаевич Кондаков** — ныне известнейший зоолог и анималист- художник, дарованием и творчеством которого может гордиться русская наука.

Третий случай.

1921 год. Из глухой провинции от молодого даровитого художника-натуралиста поступает просьба о принятии его в число студентов МГУ. Как числящийся «по другому округу» и **служащий** Водного Транспорта а не рабочий, не крестьянин, молодой зоолог получает форменный отказ. Его бумаги возвращаются обратно.

Бегло ознакомившись с рисунками и дневниками молодого человека, убедившись тотчас же в незаурядных его дарованиях, пишущий эти строки (в ту пору профессор МГУ), потребовал к себе все дело, горячо отставив перед приемкою Комиссией отвергнутого ею кандидата. Дело было пересмотрено и молодой зоолог оказался принят. Превосходно кончив Университет, оставленный при нем как аспирант, этот отвергнутый когда то молодой зоолог — ныне хорошо известный за пределами своей страны ученый, автор ряда замечательных работ, один из самых выдающихся экологов, блестящий популяризатор и анималист-художник. Речь идет об Александре Николаевиче **Формозове**, профессоре Московского Гос. Университета.

Приведенные здесь три примера хорошо показывают, как талантливые, даровитые натуры пробивались вопреки барьерам и шлагбаумам, выдвигавшимся им на пути. А сколько — спросим мы — не менее талантливых людей не добивалось цели и сходило «с круга», не нашедши своевременной поддержки от случайной встретившихся «стрелочников» на пути, как то имело место в приведенных случаях.

С тех пор прошла добрая четверть века. Но не надо думать, что условия приема и программы курсов в наших Университетах стали более доступными. Совсем напротив. По мотивам, более, чем спорным, были введены приемные экзамены по типу «конкурсов» а самые программы увеличены, перегружены предметами в объеме, о котором 30 лет тому назад студенты не имели представления: Физика, Химия с лабораторными занятиями в обязательном порядке.

Можно с полной уверенностью утверждать, что доведись трем вышеупомянутым зоологам (Формозов, Кондаков и Спангенберг) стучаться в МГУ при нынешних условиях приема — двери Высшей Школы оказались бы для них закрыты, как закрыты они были бы для пишущего эти строки, и по сходной же причине: органическому отращиванию к Математике и всем наукам с нею связанным.

Легко понять причины обездоленности большинства зоологов математическим талантам: страстные любители **живых конкретных** образов и почитатели **реально-вещной** красоты-гармонии животных линий, форм и красок прирожденные зоологи лишь редко откликаются на **отвлеченную** гармонию числовых закономерностей: за редким исключением любителей биометрической науки, подлинный природный «вещвик»-зоолог всего прежде, и бесспорнее — «**индуктивист**» по складу своего ума и мало склонен к **дедуктивным** и построениям методам наук, подобных Математике и Химии.

Вот почему навязывать насильственно сложившимся биологам-фаунистам-систематикам-экологам занятия по Химии и Математике задача мало продуктивная, (ибо воспринятое без любви бесследно испаряется) а руководствоваться **этими** предметами, как мнимыми критериями при приеме и оценке успеваемости прирожденного биолога-натуралиста могут только доктринеры и педанты «от зеленого стола», не видящие разницы между свободным освоением любимых знаний и насильственной «учебой» (отвратительное слово, подлежащее скорейшему изгнанию из педагогического лексикона!)

Нам скажут: Как же быть? До Революции и в первые последовавшие за ней годы доступ в университеты в силу разных социально-политических причин мог быть свободен для любого обладателя любым (по качеству) дипломом Средней Школы. Но не то с увеличением наплыва в Вузы новых кадров молодежи, для которых при царизме двери высшей школы были недоступны. Учреждение «конкурсных экзаменов» явилось вынужденной мерой, чтобы обеспечить выбор наиболее достойных.

Мы ответим: Возражаем мы не против конкурсных экзаменов, как таковых, но против **формы, способов** их применения, методики, подобной той, как если бы приемы в хореографическую школу или в театральное училище, Консерваторию и школу Живописи и Ваяния производились не по признаку художественных, артистических талантов кандидатов, а основываясь на математических познаниях танцоров и певцов.

И как владение математикой и химией не может гарантировать от хриплых голосов, тупого глаза, слуха и хромой ноги, — так никакие знания формул или теорем не могут заменить отсутствия влечения к живой природе, чувства формы, наблюдательности, умения восхищаться вещным образом реально познаваемых явлений.

И как при отборе молодых талантов в области искусства начинать приходится с проверки их реальных достижений или данных (пробы голосов), так и «приемочным комиссиям», суждению которых вверено самое ценное, чем обладает нация — научная культура и ее живые молодые силы, — начинать «проверку» следовало бы с вопросов, обращенных в следующей форме:

«Что ты сделал в подтверждение серьезности и подлинности твоего призвания? в доказательство твоих природных данных и готовности всецело, жертвенно служить, подействовать их полному и всестороннему развитию? Что ты привнес в Высшую Школу, как свой личный и свободный дар и как залог занятия достойного в ней места?»

Нет сомнения, что при талантливости русского народа на поставленные так вопросы горячо откликнулись бы тысячи достойных голосов диапазона если и не приведенных выше трех натуралистов, то достаточно оправданных и ярких.

Но не то теперь, при существующих приемах в Университеты, на фронтонах здания которых чудится былая надпись школ Пифагорейцев: «Кто не знает Геометрии — тот да не входит в эту дверь!» и когда стоящие у их порога стражи руководятся не специфичной одаренностью адептов а лишь тем, умеют ли они решать задачки по Тригонометрии и Химии.

Не то теперь, когда на предъявляемые записи, тетради, дневники природного натуралиста, изумительные зарисовки сцен, явлений жизни, списанные у самой Природы, документы подлинного дарования и творчества, призвания, горения любимым делом, авторы их слышат лишь один ответ: «Извольте наперед решить задачки по Тригонометрии и Химии!»

В известной сказке одного бельгийского писателя, частично возрожденной в постановке нашего Художественного Театра («Синяя Птица») выведено фантастическое царство «неродившихся» еще детей, которые, готовясь для рождения, работают над своими будущими изобретениями на Земле, доступ к которой регулируется грозным стариком, стоящим у ее порога и определяющим порядок, время выявления этих открытий.

В той реальной окружающей нас жизни, что значительностью, красотой и блеском превосходит царства вымысла, в том сонме подлинных реальных творческих талантов, что толпится у порога современной Высшей Школы, доступ, проникание в нее определяется — увы! — преградами не только временного свойства.

Тем уместнее спросить: В чем же причина, каковы мотивы этой установки, побуждающей смотреть на Химию и Математику, как на решающие показатели таланта, как на «лакмус даровитости»? Так ли существенны эти науки с точки зрения «общего образования» и как подсобные необходимые для всякого биолога?

Как будто мы не знаем превосходных математиков и химиков — и тем не менее — тупиц по умственному кругозору? И как будто современное Естествознание не остается, как во времена **Грановского**, — только подножием для исторических наук, в которых человек является и «материалом и зодчим»?

Или не бывало величайших реформаторов науки о живой Природе стилиа и диапазона **Дарвина**, всецело обойденных «Музой Математики», и дарвинистов, создававших эры для истории науки и не приводивших ни единой цифры, или формулы?

Но соглашаясь даже, что владение последними ставит людей на положение обладателей лишним органом чувств (— по выражению Дарвина —) — еще труднее отрицать всю тщетность «общего образования» насильственно навязанного взрослым людям, не имеющим к нему природного влечения.

Нам скажут: Начинаящим биологам не охватить значения **всех** наук, полезность или роль которых раскрывается только впоследствии и опущение которых в свое время может оказаться невозможным в будущем.

Мы отвечаем: Где границы этих требований, этих «привходящих» дополнительных наук? И разве мы не знаем, как менялись в разные эпохи, в разных странах университетские программы и при том на протяжении немногих лет? И если будущим врачам химические знания необходимы, то для систематика, фауниста и анатома эти последние не так уже обязательны.

Но даже там, где современному биологу не обойтись без языка **Лагранжа и Лавуазье** — там усвоение его достигнется куда надежнее в порядке личной инициативы, чем официального приказа.

Здесь уместно вспомнить, как в былые времена классических гимназий, окончания которых не давали права поступления в «Специальные Училища» (как Инженерные и Высшие Технические) но и не препятствовало поступлению в них по сдаче конкурсных экзаменов по математике, эти последние сдавались без особого труда бывшими классиками после пары месяцев усиленной и специальной тренировки, но, конечно, на основе личного влечения и интереса.

Совершенно также, при наличии последнего — там, где студент-биолог, систематик и морфолог, убедится в ходе собственных своих работ в необходимости прибегнуть к формулам и цифрам, — там он без особого труда (ибо — по убеждению!) восполнит свои знания по соответствующим дисциплинам, освежив или пополнив пройденное в Средней Школе.

Требовать же **поголовно** специального штудирования этих наук безотносительно к реальному использованию их студентом в Университете, — значит преградить и осложнить научную работу и карьеру множеству сложившихся натуралистов не математического склада.

Будем помнить, что за редким вычетом универсальных дарований и наклонностей, громаднейшее большинство природных, подлинных ученых и особенно натуралистов увлекается только **одним** предметом. Это — «**однолюбы**», преданность которых избранной науке покупается обычно дорогой ценой: оторванностью или даже отвращением к ряду других наук, особенно отличных по логической структуре и методике их усвоения. Так математики-дедуктивисты — к вещным и конкретным образам или явлениям, индуктивисты-наблюдатели, «вещевики» — к абстрактным формулам и цифрам.

Проще и конкретнее: «**любить науку вообще**» (не романтически, но действенно и творчески) — **нельзя**, любить активно созидательно возможно лишь определенные ее разделы или дисциплины.

Можно с полной уверенностью утверждать, что большинство новаторов-творцов науки рекрутировалось из подобных убежденных «однолюбов», преданных только одной, «своей» науке.

И обратно. Хорошо известно, что не малое число «Отличников» на школьной и студенческой скамье, умевших равномерно уделять внимание и дарование **всем** предметам, не оправдывались в жизни, оставаясь «пустоцветами», за неимением единой и всеподчиняющей «великой страсти», без которой самые разнообразные таланты часто остаются не у дела.

Но как раз к числу подобных «однолюбов» и «моноцентрированных энтузиастов» должно отнести всех подлинных музейцев.

Да и в самом деле. Не в пример бывлым владельцам или основателям «Кунсткамер», современный даже начинающий музейщик склонен собирать усердно далеко не все, а лишь **определенные** предметы лишь одной **определенной** отрасли науки, почему либо созвучной внутренним, эмоциональным стимулам.

Нам скажут: именно с таким «сужением внимания», побуждающим иного молодого энтузиаста увлекаться лишь определенным видом бабочки или жука, и следует бороться в устранение угрозы ограниченного «технизма».

Здесь уместно уделить несколько слов организации «Юннатов», молодых натуралистов, как она особенно успешно процветала некогда в Московском Зоосаде (при профессоре **П.А. Мантейфеле**) и ныне существует в ряде учреждений.

Характерная подробность: подавляющее большинство этих «юннатов» рекрутируется из детей-подростков, не могущих похвалиться успеваемостью в школе. Более того, значительная часть этих природных молодых натуралистов лишь едва-едва («на ниточке» — как выразилась образно одна бывшая даровитая «юннатка» Зоосада, ныне занимающая кафедру в одном из наших Вузов..) держалась в Средней Школе, часть так и не кончила ее, не одолев барьеров Математики и Химии, преподаваемых в объеме, о котором прежние биологи-студенты не имели представления.

И пусть не скажут нам: «Естественный Отбор»! Ведь вот пробилась же указанная выше даровитая юннатка и до профессуры! Достигается «естественный отсев»! Отсеялось зерно от плевела!

Мы отвечаем: Не «Естественный» а глубоко «Искусственный» Отбор, случайный и непропорциональный!

Доведись этой былой талантливой «юнатке», а теперь крупнейшему ученому, подвергнуться экзаменам не двадцать лет тому назад, а ныне, при невероятно усложненных испытаниях, и быть бы ей на положении «плевела», как оказался бы на положении его и автор этих строк.

Но совершенно также, в роли «Плевела» неотвратимо очутились бы сейчас и сотни даровитейших биологов, имевших счастье проскочить барьеры Средней, как и Высшей школы до их перегрузки, ориентированной всего прежде на натуры равномерно но «аморфно» одаренные, или упористые, и, конечно, всего менее на людей «единой страсти».

Говоря о расхождении потребностей **Музеев** в отношении музейной «смены» и музейного строительства с программами и требованиями нашей Высшей и отчасти Средней Школы, мы доселе не упомянули об одном моменте, столь обычно приводимом в оправдание многопредметности и перегруженности их программ: мы разумею подготовку будущих преподавателей.

И в самом деле, хорошо известно, что громаднейшее большинство студентов Университета после окончания его (не говоря уже о Педвузовцев) готовится быть педагогами.

И то значение, которое в наш Век Технического Гения приходится на долю химии и математики, вполне оправдывает роль и место, предоставленные им в общей системе нашего образования: готовить опытных преподавателей этих наук.

Однако, рассуждающие так, т.е. пытающиеся из экономии кредитов и людского материала, совмещать в одном лице преподавателя и Биологии и Химии, свои расчеты делают, не опросив самих этих людей, рисующихся им на положении двуликих Янусов, с лицом, одним, направленным на мир абстрактных формул дедуктивных построений, и другим, — любовно принаикающим к реальным, вещным образам, конкретно-индуктивно познаваемым.

Не отрицая появления в виде редчайших исключений совмещения в одном лице обоих «ликров» по примеру Александра **Буллерова** (совмещавшего страсть химика и энтомолога..) или биологов биометрического направления — следует признать, что несравненно чаще эта смелая погоня за двумя профессиями подрывает обе: В результате — ни хорошего биолога, ни знающего химика, или — что хуже — педагогов, ненавидящих насильственно когда то ими навязанный предмет.

В итоге — грустные пародии на педагога, вяло-нудно-скудно «по учебнику», по «графику» и по шаблону излагающие свой (в действительности же «чужой» для них..) предмет, штампованные мысли в трафаретной форме.

И понятно, почему. Как невозможно в наше время полюбить «науку вообще», так еще менее вообразимо полюбить «преподавание вообще», не проэцируя его на тот или иной предмет, на ту или иную частную науку.

Педагог, берущийся преподавать равно успешно **все** науки, — будет либо шарлатаном, либо гением, поскольку же эпоха Аристотелей и Лейбницев давно за нами, — несравненно больше шансов встретить первого, а не второго.

Этому, конечно, не противоречит то, что в младших классах нашей Средней Школы разные предметы доверяются нередко одному лицу, невольно совмещающему и природоведа, и словесника, и математика. Но ограниченная первыми зачатками элементарных сведений эта работа в младших классах и не претендует на высокую «научность», будучи сводима в лучшем случае лишь к «научнообразным» знаниям, доступным самому неискушному уму.

Не то — при переходе к подлинной науке, в отношении которой всякая попытка энциклопедизма покупается ценой угрозы превращения популяризации в вульгаризацию, избежать каковую удастся только «мастеру» своего дела, знатоку предмета, лишь на базе специализации, т.е. принципа «знать возможно больше о возможно меньшем».

Но не трудно видеть, что принципам этим коренным путем противоречит установка, при которой совмещением двух специальностей в одни и те же головы надеются убить «двух зайцев», обретая для той же школы и в одном лице «биолога» и «химика», на деле же двух ползунаек.

А теперь перенесемся мысленно на положение молодого прирожденного биолога-музейца (а фактически: зоолога, поскольку мир растений — не музейная тематика!)

Как всякий коллекционер наш молодой музейец — всего прежде «вещевик»: Страсть собирания предметов облюбованной им сферы и способность любования ими независимо от их идейной ценности, — моменты эстетизма, больше, чем научного познания, владеют сердцем более, чем разумом, такого молодого энтузиаста, заставляя его изживаться без конца и устали в любимых вещных образах...

И пусть не скажут нам: подсказанное чувством, более, чем разумом, это влечение к «вещи» — не серьезно и поверхностно, не гарантирует призвания настоящего ученого, тая опасность раствориться в голом эстетизме, подменить ученого на антиквара и «скупого рыцаря».

Мы отвечаем: Да, эта опасность есть, но именно от педагога и профессора зависит устранить ее. А между тем лишенный этой «страсти к вещи» никогда не овладеет вещным содержанием науки в полной мере с той интимностью, как прирожденный вещевик- музейец, для которого объект науки стал предметом личного переживания, частицей его собственного «Я».

И никакое знание, полученное со страниц учебников и с кафедры, не сможет никогда сравниться по интимности и силе с тем, что заронилось созерцательно-наивно в годы юности и детства полные манящего очарования.

Расширить, углубить, оформить и направить эти первые наивные переживания и грезы, претворить **идейно** эти чувственные образы в научно- познавательные — вот, в чем заключается задача Высшей и отчасти Средней Школы в отношении таких рано проснувшихся влечений, этих редких баловней, любимцев Жизни и ... ее «изгоев» там, где требования жизни разошлись с условиями быта.

Счастлив тот, кому дано найти в нужное время должного руководителя, достоин трижды сожаления кто его не встретил.

Благо обществу, умеющему во время подметить, оценить свои родные «самородки», эти редкие стихийные влечения и переключить их неизбывную энергию в работу коллектива. Не нуждаясь в стимулах извне, в наградах или поощрениях, работая на собственной неиссякающей духовной топке, эти изумительные «двигатели внутреннего **несгорания**» — являются ценнейшими «моторами культуры», сочетая два решающих момента: эффективность и экономичность производства.

Горе обществу, способному отбросить эти «даровые социальные моторы», как ненужный дар!

Любовно-чутко выявить эти последние и их редчайший дар расценивать свою работу, как свое интимное переживание, переключить его на службу обществу, амальгамируя тем самым жизнь личности и коллектива — такова первейшая и благодарнейшая роль всех лиц и органов, причастных к судьбам, росту и развитию родной культуры для страны социализма.

Но как раз эта задача не подозревается людьми и органами, ведающими приемом в Вузы нашей молодежи, допущение которой в двери высшей Школы обусловлено лишь рядом общих и всеобязательных барьеров, ни в малейшей степени не предусматривающих природных, специфичных, **персональных** данных, интересов и запросов.

И какой иронией должны казаться — в свете этих наших рассуждений — публикуемые часто заявления о «срочной подготовке» к конкурсным испытаниям для поступления в Вузы!

Что сказали бы о сходной публикации, оповещающей о «срочной» подготовке в Школу музыки, в консерваторию, в балет, в художественные училища!

Как будто дарования и таланты обязательны лишь для служения искусству, а не в области науки, где искусной тренировкой можно заменить отсутствие природных интересов и способностей!

Как будто дарованиям музейца и биолога всегда сопутствуют способности решения задач по Химии и Математике!

Как будто подлинно-решающим для творческого освоения науки в высшей школе не является природное влечение и дарование, создать которые ни длительно, ни «срочно» не под силу никаким преподавателям и курсам!

Остается рассмотреть последний довод, приводимый иногда сторонниками обезличенного подхода при подборе или зачислении студентов.

Мы имеем здесь ввиду обычную, но мало убедительную реплику, что и при существующих порядках или способах приема выпускается не малое число талантливых питомцев Университета, даровитых педагогов и ученых.

Мы ответим: убедительной такая ссылка может быть лишь при условии сравнения числа и — что труднее — качества, диапазона выпускаемых биологов-ученых или педагогов при **былых** условиях (бесконкурсного поступления) и кадров на основе практикуемого за последние года приема проводимого по признаку математической или химической их эрудиции.

Это — во-первых. И теперь второе. Даже допуская, что введение конкурсов при поступлении и перегрузки существующих программ не снизило количество и качество успешно их преодолевающих студентов, — заключать отсюда о полезности и благодетельности этих двух мероприятий было неверно, ибо неизвестным остается, сколько замечательных, неповторимых самородков, но случайно обойденных музой «Математики» юннатов типа тех, что держатся «на ниточке» по успеваемости в Средней Школе, или даже ее вовсе не кончают, остаются ныне за дверями Университета и тем самым навсегда потерянными для науки и музеев.

Подведем Итоги: Возвращаясь к нашему исходному вопросу — жгучей и очередной проблеме о «музейной смене», нам нетрудно опираясь об изложенное выше об условиях приема и учебных установках в Вузах (и отчасти в средней Школе..), — указать реальные причины, затрудняющие обеспечение существующих биологических музеев массового типа требуемой сменой молодых талантливых и преданных призванию работников. Эти причины — следующие:

- I. Полное отсутствие каких-либо организаций, или аппаратов (по примеру или образцу центральных выездных Комиссий по отбору на местах, или в столицах «юных дарований» в сфере самодеятельного искусства), призванных выискивать талантливых и преданных своему делу молодых натуралистов, доказавших не одну только свою любовь к природе, но и свои творческие достижения (образцы работ, итоги сборов, наблюдения, зарисовки, дневники..). — Очередная, острая потребность в учреждении таких организаций.
- II. Предоставление таким природным самородкам льгот для поступления в соответствующие учреждения (Вузы, Зоотехникумы, Зоомузеи) для усовершенствования по линии научной, или прикладной (музейной технике, препаровального искусства), обеспечив всем необходимым (так иногородних — жилой площадью), стипендиями и вознаграждением, достаточным для прожитного минимума и спокойной творческой работы.
- III. Признание за музейной деятельностью значения и ценности, не меньших, чем для деятелей в области искусства, и с тем большим основанием, что не в пример работникам эстрады, сцены, кисти и резца работники музеев до сих пор не избалованы ни высотой складов, ни особенным вниманием общества и это вопреки громадной роли их, как собирателей и охранителей **непреходящих** вещных ценностей в отличие от эфемерных, преходящих и бесследно исчезающих даров или достоинств деятелей сцены и эстрады.
- IV. Разгрузка существующих программ приемных испытаний, как и самых курсов Средней и Высшей Школы, устранение многопредметности, минуциозности и специальности трактовки изучаемых предметов, в частности наук математических (в особенности Химии), как неоправдываемых в их мнимой роли показателей «общекультурного» развития учащихся и представляющих неодолимые преграды для не малого числа талантливых и творческих натур, но не математического склада мысли.
- V. Учреждение на Биофаках при Педвузах (именно зоологических их кафедр (поскольку большинство работников биологических музеев массового типа рекрутируется из зоологов..) особых секций для подготовки этих работников и поручение ведения этих занятий лицам, совмещающим ученый стаж с музейным опытом.
- VI. Предоставление права крупным и сложившимся в своем музейном профиле музеев массового типа оставлять для прохождения аспирантуры ярко одаренных и практически себя зарекомендовавших молодых людей, — натуралистов по призванию, доказавших свое творческое устремление работать на музейном фронте, — независимо от их официального образовательного стажа.

VIУлучшение элементарных бытовых условий (как и рационализация административной деятельности) работников музеев, — предпосылка, правда, менее существенная, чем для большинства других профессий или их работников, поскольку движущим моментом выбора музейной сферы деятельности являются моменты «идеального» порядка, а не меркантильного, экономического свойства.

Таковы семь основных условий, или установок, вне которых все другие и доселе предлагавшиеся меры к обеспечению музейной «смены» будут оставаться без реального успеха.